

Чэн Хао улыбнулся:

— Я не мечтаю о богатстве, просто хочу жить чуть лучше других, чтобы не беспокоиться о еде и одежде. Если дойду до того, что буду лежать на боку, а мне будут приносить еду и одежду, то какой в этом смысл? Лучше расскажи мне о своих планах. Что ты собираешься делать с такими деньгами?

На улице было пасмурно, и старая, почерневшая деревянная дверь полностью отрезала свет, делая всё вокруг неразличимым. Лица обоих были скрыты в тени, и их черты не были видны. Голос Лян Цзиня звучал спокойно, и казалось, что столь важное событие не вызвало в нём ни малейшего волнения:

— Я хочу, чтобы деньги приносили деньги. Человеческие желания безграничны, и чем больше у тебя денег, тем прямее спина. Взгляни на моих родственников. Разве не потому, что они зависят от чужих денег, их пальцами тычут в лоб, а они даже слова сказать не смеют? Я заберу это с собой. Завтра моя мама придёт помочь тебе, а мне нужно навестить тётю.

В этот день бабушка Лян действительно отправилась к месту работы зятя. Парк в то время был платным, и без билета внутрь не пускали. Она долго стояла у входа, а затем обратилась к человеку у ворот:

— Я ищу вашего Сун Дуншэна. Не могли бы вы позвать его?

Тот окинул её взглядом, заметил, что она одета просто, и вежливо ответил:

— Это наш начальник. Как я могу просто так пойти и позвать его? Тётушка, лучше найдите другой способ, я ничем не могу помочь.

Бабушка Лян ни у кого не смогла добиться помощи и ждала до самого вечера, пока парк не закрылся, так и не увидев своего «хорошего» зятя. Она с досадой вернулась домой.

Лян Хуайюй знала, что так и будет. Её муж всегда стыдился её родственников, и даже если бы он увидел мать, то всё равно не обратил бы на неё внимания. Она посмотрела на собравшихся в доме людей и сказала:

— Ладно, все идите домой. Зачем вы здесь сидите? Кстати, мама, когда вернёшься, скажи Лян Цзиню, чтобы он зашёл ко мне. Мне нужно с ним поговорить.

Бабушка Лян сразу же недовольно нахмурилась. Она собрала всех родственников, и неужели все эти головы не стоят больше, чем этого парня?

— Зачем его звать?

— Не спрашивай, просто скажи ему прийти.

— Уже поздно, я завтра передам.

Родственники у неё были такими, что их и правда было стыдно показывать людям. У неё даже не было сил говорить.

Длинную ночь пришлось медленно пережить, а на следующий день ранним утром в дверь раздался громкий стук, разбудивший всех спящих. Дед Лян раздражённо закричал:

— Кто это так рано душу тревожит?

Открыв дверь и увидев Лян Цзиня, он сразу же разозлился, указывая на него пальцем:

— Что за беспорядок у тебя в голове? Всё больше теряешь чувство меры. Утро раннее, а ты уже дверь чуть не сломал. Что будешь делать, если сломаешь?

Лян Цзинь искоса посмотрел на него:

— Дедушка, ты бы это бабушке сказал? Лучше бы ты перед ней авторитет показывал, а то всю жизнь прожил тряпкой, и тебе не стыдно? Ты так привык сторожить, что даже хозяин тебя не ругает?

Дед Лян, указывая на спину внука, скривился:

— Эй, парень, ты совсем с ума сошёл.

Лян Цзинь даже не обратил на него внимания и направился прямо в комнату тёти.

Лян Хуайюй спала не очень крепко и, услышав, что Лян Цзинь пришёл, с трудом села, с нетерпением глядя на дверь. Увидев его, она сразу спросила:

— Есть новости? Ну, хоть немного постарайся, сколько времени уже прошло?

Лян Цзиню действительно было трудно говорить об этом. Он несколько раз следил за той женщиной и видел, как дядя часто навещает её. Раньше он бы, не задумываясь, всё рассказал, но сейчас, глядя на тётю, которая выглядела как живой труп, он чувствовал смешанные эмоции.

— Тётя, тебе лучше?

Лян Хуайюй раздражённо ответила:

— Говори о деле, не отвлекайся на пустяки. Сломанная нога — это не смертельно.

Лян Цзинь кивнул:

— Я пришёл, чтобы сказать тебе, что нашёл её. Она живёт в жилом комплексе Синьминь, корпус 3, подъезд 1, пятый этаж. Будь осторожна, когда пойдёшь туда, не устраивай скандал, беременных пугать нельзя.

Лян Хуайюй долго молчала. Она боялась, что так и будет. Она думала, что если Сун Дуншэн вернётся и будет жить спокойно, она сможет всё простить. Она знала, что он хочет сына, и думала, что в их возрасте такие желания должны исчезнуть. Но её тело подвело её, и она не смогла дать ему наследника.

Лян Цзинь мог бы не говорить о беременности той женщины, но не смог сдержать злости в душе. Он знал, что его слова, как нож, вонзились в сердце тёти. Её спокойствие, как лёд, вдруг треснуло, и всё горе и отчаяние всплыли на поверхность.

Лян Цзинь почувствовал странное удовлетворение. Была ли она невиновна? Нет, она была виновата. Вся семья оказалась в таком положении из-за неё. Она, словно боясь, что в мире будет слишком спокойно, использовала всех как пешки, направляя их, куда хотела, а потом бросала на полпути. Когда-то отец уже согласился пойти работать на продуктовый завод, где зарплата была хорошей, и можно было взять с собой семью. Но тётя резко вмешалась, говоря, что бабушка и дедушка останутся без присмотра. Теперь жизнь отца оборвалась, и как он мог

бы заботиться о них?

Бабушка Лян принесла приготовленную кашу. Войдя в комнату, она услышала, как Лян Цзинь говорит о беременности той женщины. Её лицо сразу же изменилось. Увидев, что дочь выглядит подавленной, она поспешила успокоить:

— Ты, болтун, что за ерунду ты несёшь? Иди куда-нибудь, не мешай здесь.

Лян Цзинь усмехнулся:

— Посмотри, как мой дядя опозорил тебя, несмотря на все твои старания приукрасить его. Теперь он ударил тебя по лицу, и ты даже рот открыть не можешь. Бить людей, содержать любовницу, не уважать тебя, как тещу — это слишком. Если бы он не был ещё хоть немного полезен, разве ты бы его пощадила?

Лян Хуайюй поманила Лян Цзиня, чтобы он подошёл ближе. Её губы были бледными:

— Иди в парк и спроси его, будет ли он продолжать жить с нами. Больше ничего не говори.

Бабушка Лян поспешно остановила её:

— Зачем ты его посылаешь? Пусть твой старший брат ходит?

Лян Хуайюй раздражённо ответила:

— Что мой старший брат может сделать? Из него слова не вытянешь. Ладно, я знаю, на что способна наша семья.

Лян Цзинь кивнул и вышел, на его губах застыла лёгкая улыбка. Даже если дядя в итоге уступит, эта семья уже не сможет жить вместе. Самое страшное наказание в этом мире — это разрыв на полпути...

Немного растерялся~ «Тюремный начальник» звучит так хорошо.

Пуф, этот текст — вымышленный, не относитесь к нему слишком серьёзно, целую. Главный герой сейчас немного свободен, поэтому он обходит этих родственников, но всё же должен жить своей жизнью.

<http://bllate.org/book/16631/1523370>